

Лев Толстой

Декабристы

Лев Толстой

Декабристы

«Public Domain»

Толстой Л. Н.

Декабристы / Л. Н. Толстой — «Public Domain»,

© Толстой Л. Н.

© Public Domain

Содержание

Декабристы	5
Глава I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Декабристы

Глава I

Это было недавно, в царствование Александра II, в наше время – время цивилизации, прогресса, *вопросов*, возрождения России и т. д., и т. д.; в то время, когда победоносное русское войско возвращалось из сданного неприятелю Севастополя, когда вся Россия торжествовала уничтожение черноморского флота и белокаменная Москва встречала и поздравляла с этим счастливым событием остатки экипажей этого флота, подносила им добрую русскую чарку водки и, по доброму русскому обычаю, хлеб-соль и кланялась в ноги. Это было в то время, когда Россия в лице дальновидных девственников-политиков оплакивала разрушение мечтаний о молебне в Софийском соборе и чувствительнейшую для отечества потерю двух великих людей, погибших во время войны (одного, увлекшегося желанием как можно скорее отслужить молебен в упомянутом соборе и павшего в полях Валахии, но зато и оставившего в тех же полях два эскадрона гусар, и другого, неоцененного человека, раздававшего чай, чужие деньги и простыни раненым и не кравшего ни того, ни другого); в то время, когда со всех сторон, во всех отраслях человеческой деятельности, в России, как грибы, вырастали великие люди-полководцы, администраторы, экономисты, писатели, ораторы и просто великие люди без особого призвания и цели. В то время, когда на юбилее московского актера упроченное тостом явилось общественное мнение, начавшее карать всех преступников; когда грозные комиссии из Петербурга поскакали на юг ловить, обличать и казнить комиссариатских злодеев; когда во всех городах задавали с речами обеды севастопольским героям и им же, с оторванными руками и ногами, подавали трынки, встречая их на мостах и дорогах; в то время, когда ораторские таланты так быстро развились в народе, что один целовальник везде и при всяком случае писал и печатал и наизусть сказывал на обедах речи, столь сильные, что блюстители порядка должны были вообще принять укротительные меры против красноречия целовальника; когда в самом аглицком клубе отвели особую комнату для обсуждения общественных дел; когда появились журналы под самыми разнообразными знаменами, – журналы, развивающие европейские начала на европейской почве, но с русским мирозерцанием, и журналы, исключительно на русской почве, развивающие русские начала, однако с европейским мирозерцанием; когда появилось вдруг столько журналов, что, казалось, все названия были исчерпаны: и «Вестник», и «Слово», и «Беседа», и «Наблюдатель», и «Звезда», и «Орел» и много других, и, несмотря на то, все являлись еще новые и новые названия; в то время, когда появились плеяды писателей, мыслителей, доказывавших, что наука бывает народна и не бывает народна и бывает ненародная и т. д., и плеяды писателей, художников, описывающих рошу и восход солнца, и грозу, и любовь русской девицы, и лень одного чиновника, и дурное поведение многих чиновников; в то время, когда со всех сторон появились *вопросы* (как называли в пятьдесят шестом году все те стечения обстоятельств, в которых никто не мог добиться толку), явились вопросы кадетских корпусов, университетов, цензуры, изузного судопроизводства, финансовый, банковый, полицейский, эманципационный и много других; все старались отыскивать еще новые вопросы, все пытались разрешать их; писали, читали, говорили проекты, все хотели исправить, уничтожить, переменить, и все россияне, как один человек, находились в неопisanном восторге. Состояние, два раза повторившееся для России в XIX столетии: в первый раз, когда в двенадцатом году мы отшлепали Наполеона I, и во второй раз, когда в пятьдесят шестом году нас отшлепал Наполеон III. Великое, незабвенное время возрождения русского народа! Как тот француз, который говорил, что тот не жил вовсе, кто не жил в Великую французскую революцию, так и я смею сказать, что, кто не жил в пятьдесят шестом году в России, тот не знает,

что такое жизнь. Пишущий эти строки не только жил в это время, но был одним из деятелей того времени. Мало того, что он сам несколько недель сидел в одном из блиндажей Севастополя, он написал о Крымской войне сочинение, приобретшее ему великую славу, в котором он ясно и подробно изобразил, как стреляли солдаты с бастионов из ружей, как перевязывали на перевязочном пункте перевязками и хоронили на кладбище в землю. Совершив эти подвиги, пишущий эти строки прибыл в центр государства, в ракетное заведение, где и пожал лавры своих подвигов. Он видел восторг обеих столиц и всего народа и на себе испытал, как Россия умеет вознаграждать истинные заслуги. Сильные мира сего искали его знакомства, жали ему руки, предлагали ему обеды, настоятельно приглашали его к себе и, для того чтоб узнать от него подробности войны, рассказывали ему свои чувствования. Поэтому пишущий эти строки может оценить то великое, незабвенное время. Но не в том дело.

В это самое время два возка и сани стояли у подъезда лучшей московской гостиницы. Молодой человек вбежал в двери узнать о квартире. Старик сидел в возке с двумя дамами и говорил о том, каков был Кузнецкий мост при французе. Это было продолжение разговора, начавшегося при въезде в Москву, и теперь старик с белой бородой, в распахнутой шубе, спокойно продолжал свою беседу в возке так, как будто он намеревался ночевать в нем. Жена и дочь слушали, но поглядывали на дверь не без нетерпения. Молодой человек вышел из двери с швейцаром и номерным.

– Ну что, Сергей? – спросила мать, выставляя на свет фонаря свое изнуренное лицо.

Потому ли, что это была его привычка, или для того, чтоб швейцар не принял его по полушубку за лакея, Сергей ответил по-французски, что есть комнаты, и отворил дверцы. Старик взглянул на мгновение на сына и снова обратился в темную глубину возка, как будто остальное до него не касалось:

– Театра еще не было.

– Пьер! – сказала жена, подбирая салоп, но он продолжал:

– Madame Шальме была на Тверской...

В глубине возка раздался молодой, звонкий смех.

– Папа, выходи – ты так заговорился.

Старик как будто теперь только хватился, что они приехали, и оглянулся.

– Выходи же.

Он надвинул шапку и покорно полез из двери. Швейцар принял его под руку, но, убедившись, что старик еще очень хорошо ходит, он тотчас же предложил свои услуги даме. Наталья Николаевна, жена, и по собольему салопу, и по тому, как долго вылезала, и по тому, как тяжело легла ему на руку, и по тому, как прямо, не оглядываясь, опершись на руку сына, пошла на крыльцо, показалась ему очень значительною. Барышню от девушек, которые повывлезли из другого возка, он даже не отличил: так же, как и они, она несла узелок и трубку и шла сзади. Только по смеху и тому, что она назвала старика отцом, он узнал ее.

– Не туда, папа, направо, – сказала она, останавливая его за рукав тулупа. – Направо.

И на лестнице из-за стука шагов, дверей и тяжелого дыхания пожилой дамы раздался тот же смех, который слышался в возке, который, когда кто слышал, непременно думал: вот славно смеется, завидно даже.

Сын Сергей занимался устройством всех материальных условий в дороге, и занимался этим хотя и без знания, но с свойственной двадцати пяти годам энергией и самоудовлетворяющей деятельностью. Раз двадцать, по крайней мере, и, кажется, без особенно важных причин он в одном пальто сбежал вниз к саням и вбежал опять наверх, подрагивая от холода и через две и три ступеньки шагая своими молодыми длинными ногами. Наталья Николаевна просила его не простудиться, но он уверял, что ничего, и все отдавал приказания, хлопал дверьми, ходил, и когда, казалось, уж дело стояло за одними слугами и мужиками, он несколько раз

обошел все комнаты, выходя из гостиной в одну дверь и входя в другую, и все отыскивал, что бы еще сделать.

– Что ж, папа, поедешь в баню? Узнать? – спросил он.

Папа находился в задумчивости, и казалось, вовсе не отдавал себе отчета в том, где он находился. Он не скоро ответил. Он слышал слова и не понимал. Вдруг он понял.

– Да, да, да; узнай, пожалуйста, у Каменного моста.

Глава семейства торопливым, взволнованным шагом обошел комнаты и сел на кресло.

– Ну, теперь надо решить, что делать, устраиваться, – сказал он. – Помогайте, дети, живо! молодцами! таскайте, устанавливайте, а завтра пошлем записочку и Сережу к сестре Марье Ивановне, к Никитиным, или сами поедом. Так, Наташа? А теперь устраиваться.

– Завтра воскресенье; надеюсь, прежде всего ты поедешь к обедне, Pierre? – сказала жена, на коленях стоя перед сундуком и отпирая его.

– И то, воскресенье! Непременно все поедом в Успенский собор. Этим начнется наше возвращение. Боже мой! Когда я вспомню тот день, когда я в последний раз был в Успенском соборе... помнишь, Наташа? Но не в том дело.

И глава семейства быстро встал с кресла, на которое только что сел.

– А теперь надо устраиваться.

И он, ничего не делая, ходил из одной комнаты в другую.

– Что ж, будем чай пить? или устала, хочешь отдохнуть?

– Да, да, – отвечала жена, доставая что-то из сундука, – ведь ты хотел в баню.

– Да... в мое время были у Каменного моста. Сережа, поди же узнай, есть ли еще бани у Каменного моста. Вот эту комнату займу я с Сережей. Сережа! хорошо тебе тут будет?

Но Сережа пошел узнать о банях.

– Нет, все нехорошо, – продолжал он, – у тебя не будет хода прямо в гостиную. Как ты думаешь, Наташа?

– Ты успокойся, Pierre, все это устроится, – отвечала Наташа из другой комнаты, в которую мужики вносили вещи. Но Pierre находился под влиянием восторженного состояния, произведенного приездом на место.

– Ты смотри Сережины вещи не смешай; вот его лыжи бросили в гостиную... – И он сам поднял их и особенно осторожно, как будто от этого зависел весь будущий порядок помещения, поставил их к притолоке и прижал к ней. Но лыжи не приклеились и, только что Pierre отошел от них, с грохотом упали поперек двери. Наталья Николаевна поморщилась и вздрогнула, но, увидав причину падения, сказала:

– Соня, подними, мой друг.

– Подними, мой друг, – повторил муж, – а я пойду к хозяину; иначе не устроитесь; надо обо всем переговорить.

– Лучше за ним послать, Pierre. Зачем ты беспокоишься?

Pierre согласился.

– Соня, позови этого... как бишь? Monsieur Cavalier, пожалуйста; скажи, что мы хотим обо всем переговорить.

– Шевалье, папа, – сказала Соня и приготовилась идти.

Наталья Николаевна, которая тихим голосом приказывала и тихими шагами ходила из комнаты в комнату, то с ящиком, то с трубкой, то с подушкой, незаметно расставляла из горы поклажи все на свое место, успела, проходя мимо Сони, шепнуть:

– Не ходи сама, пошли человека.

Покуда человек ходил за хозяином, Pierre употребил свой досуг на то, чтобы под предлогом содействия своей супруге смять ей какую-то одежду, и на то, чтобы спотыкнуться на опрокинутый ящик. Удержавшись рукой за стену, декабрист с улыбкой оглянулся. Жена, казалось, была так занята, что не заметила; но Соня глядела на него такими смеющимися глазами,

что казалось, ожидала позволения посмеяться. Он охотно дал ей это позволение, рассмеявшись сам таким добродушным смехом, что все бывшие в комнате, от жены до девушки и мужика, рассмеялись. Этот смех еще более воодушевил старца; он нашел, что диван в комнате жены и дочери стоит для них неудобно, несмотря на то, что они утверждали противное, прося его успокоиться. В то самое время, как он собственноручно пытался с мужиком перетащить эту мебель, вошел в комнату хозяин-француз.

– Вы меня спрашивали, – сказал хозяин строго и, в доказательство своего, ежели не презрения, то равнодушия, достал медленно свой платок, медленно развернул и медленно высморкался.

– Да, мой любезный друг, – сказал Петр Иванович, наступая на него, – вот видите ли, мы сами не знаем, сколько здесь пробудем, я и жена моя... – И Петр Иванович, имевший слабость в каждом человеке видеть ближнего, начал рассказывать свои обстоятельства и планы.

Г-н Chevalier не разделял такого взгляда на людей и не интересовался сведениями, сообщенными Петром Ивановичем; но хороший французский язык, которым говорил Петр Иванович (французский язык, как известно, есть нечто вроде чина в России), и барские приемы заставили его повысить несколько мнение о новоприезжих.

– Чем могу я служить вам? – спросил он.

Вопрос этот не затруднил Петра Ивановича. Он выразил желание иметь комнаты, чай, самовар, ужин, обед, пищу для прислуги – одним словом, те вещи, для которых и существуют гостиницы, и когда г-н Chevalier, удивленный невинностью старичка, полагавшего, должно быть, что он находится в Трухменской степи, или полагавшего, что все эти вещи ему будут отпускаться даром, объявил, что все это можно иметь, Петр Иванович пришел в восторженное состояние.

– Вот это прекрасно! очень хорошо! Так мы и устроим. Ну, так пожалуйста... – Но ему стало совестно все говорить о себе, и он стал расспрашивать г-на Chevalier о его семействе и делах. Сергей Петрович, вернувшись в комнату, казалось, не одобрял обращения своего батюшки; он замечал неудовольствие хозяина и напомнил о бане. Но Петр Иванович был заинтересован вопросом о том, как могла французская гостиница идти в Москве в пятьдесят шестом году и как проводила свое время *м-me Chevalier*. Наконец сам хозяин поклонился и спросил: не прикажут ли чего?

– Будем пить чай, Наташа. Да? Так чаю, пожалуйста, а мы еще поговорим с вами, мой любезный *monsieur*. Какой славный человек!

– А в баню, папа?

– Ах, да, так не надобно чаю. – Так что единственный результат беседы с новоприезжим был отнят у хозяина. Зато Петр Иванович был теперь горд и счастлив своим устройством. Ямщики, пришедшие просить на водку, расстроили его было тем, что у Сережи не было мелочи, и Петр Иванович хотел было опять посылать за хозяином, но счастливая мысль, что не ему одному надо быть веселым этот вечер, вывела его из затруднения. Он взял две трехрублевых бумажки и, вжав в руку одному ямщику одну бумажку, сказал: «Вот вам» (Петр Иванович имел привычку говорить *вы* всем без исключения, кроме членов своего семейства). «А вот вам», – сказал он, передавая другому ямщику бумажку из ладони в ладонь, вроде того, как это делают, платя докторам за визиты. После обделки всех этих дел его повезли в баню.

Соня, как сидела на диване, подставила руку под голову и засмеялась.

– Ах, как хорошо, мама! Ах, как хорошо! – Потом она положила ноги на диван, повытянулась, поправилась и так и заснула крепким неслышным сном здоровой восемнадцатилетней девушки после полутора месяцев дороги. Наталья Николаевна, все еще разбиравшаяся в своей спальне, услышала, верно, своим материнским ухом, что Соня не шевелится, и вышла взглянуть. Она взяла подушку и, подняв своей большой белой рукой раскрасневшуюся спутанную голову девушки, положила ее на подушку. Соня глубоко, глубоко вздохнула, повела плечами и положила свою голову на подушку, не сказав *тегісі*, как будто это само собой так сделалось.

– Не на ту, не на ту, Гавриловна, Катя, – тотчас же заговорила Наталья Николаевна, обращаясь к девушкам, стелившим постель, и одной рукой, как будто мимоходом, оправляя взбившиеся волосы дочери. Не останавливаясь и не торопясь, Наталья Николаевна убиралась, и к приезду мужа и сына все было готово: сундуков уж не было в комнатах; в спальне Пьера все было так же, как было десятки лет в Иркутске: халат, трубка, табакерка, вода с сахаром, Евангелие, которое он читал на ночь, и даже образок прилип как-то над кроватью на пышных обоях комнат Шевалье, который не употреблял этого украшения, но которое явилось в этот вечер во всех комнатах третьего отделения гостиницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.